

Илья Каминский

ГЛУХАЯ РЕСПУБЛИКА

СТИХИ

18+

Илья Каминский

Глухая республика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57407599

SelfPub; 2020

Аннотация

В вымышленном восточноевропейском городе происходит убийство глухого мальчика военными, после чего все горожане неожиданно тоже становятся глухими.

Содержание

Мы жили счастливо во время войны	7
Акт 1	9
Выстрел	9
Когда рядом проходит строй солдат, альфонсо закрывает лицо мальчика газетой	11
Альфонсо, весь в снегу	13
Глухота, то есть мятеж, начинается	14
Альфонсо будет отвечать	15
Атлас костей и открытых клапанов	17
Горожане оцепляют тело мальчика	19
О довоенных свадьбах	20
Мы все еще молодожены	22
Солдаты целятся в нас	23
Пункты проверки	25
Перед войной мы сделали ребенка	26
Пока солдаты забиваются в дом	28
Бомбардировка в 4 утра	29
Явление	31
Колыбельная	32
Вопрос	33
Соня раздевается пока ребенок спит	34
Сигарета	36
Собака обнюхивает	37

То, что мы не слышим	38
Центральная площадь	40
Вдовец	41
Своей жене	43
Я, это тело	44
Ее платье	46
Элегия	47
Глухота над синими жестяными крышами	48
Город как гильотина, дрожит, приближаясь к шее	50
В небе за пазухой	51
Жить	52
Горожане смотрят как забирают альфонсо	53
Прочь	55
Панегирик	56
Вопрос	57
Такова история, созданная из упрямства и свежего воздуха	58
Акт 2	60
Горожане говорят о Гале на зеленом велосипеде	60
Когда Мама Галя протестовала в первый раз	62
Узелок белья	64
Что такое дни	65
Галя шепчет, когда Анушка тычется носом	66
Марионетки Гали	68

Галя во время бомбардировки	69
Маленькие пучки	71
Тост Гали	73
Ночи в Театре	74
И в то время как марионеток арестовывают	75
Солдаты не любят выглядеть глупо	76
Поисковые патрули	77
Колыбельная	79
Расстрельная команда	80
Вопрос	81
Я все же есть	82
Суд	83
Преследуемая людьми из Васенки	84
Аноним	85
И все же, иногда по ночам	87
В мирное время	88
Примечания	90
Благодарность	91

*В память об Элле и Викторе Каминских
Посвящается Кейт Феррис*

Мы жили счастливо во время войны

А когда они бомбили чужие дома, мы

протестовали,
но мало, мы возражали, но

мало. Я был
в своей кровати, Америка вокруг нее

рушилась: невидимый дом на невидимый дом на невидимый дом...

Я вынес стул во двор и любовался солнцем.

На шестой месяц бедственной власти
в доме из денег,

на улице из денег в городе из денег в стране из денег,
нашей великой стране из денег, мы (простите нас)

жили счастливо во время войны.

Dramatis

personae

ГОРОЖАНЕ ВАСЕНКИ – хор, те самые «мы», кто рассказывают историю, а ветер ласкает белье на балконах, развешанное на веревочках.

АЛЬФОНСО БАРАБИНСКИ – кукловод, «я» первого акта, только что женился на Соне.

СОНЯ БАРАБИНСКИ – лучший кукловод Васенки, только что вышла за Альфонсо, беременна.

РЕБЕНОК – внутри Сони, размером с морского конька, позднее – Анушка.

ПЕТЯ – глухой мальчик, двоюродный брат Сони.

МАМА ГАЛЯ АРМОЛИНСКАЯ – владелица кукольного театра, раздувает волнения, «я» второго акта.

КУКЛОВОДЫ ГАЛИ – с балкона театра учат знакам, как будто регулируют уличное движение:

если *Солдат* – пальцем показать, будто клюв клюет глаз

если *Доносчик* – пальцами показать, будто клюв клюет оба глаза

если *Армейский Джип* – выдвинуть вперед сжатый кулак

СОЛДАТЫ – приезжают в Васенку, чтобы «защитить нашу свободу», разговаривают на никому не понятном языке.

МАРИОНЕТКИ – висят на дверях и крыльцах, принадлежащих семьям арестованных, за исключением одной лежащей на бетоне марионетки в виде средних лет женщины, прижимающей к себе ребенка словно сломанную руку. Ее рот забивается снегом.

Акт 1

Горожане рассказывают историю Сони и Альфонсо

Выстрел

Наша страна – это сцена.

Когда солдаты входили в город, народные собрания официально запрещались. Но сегодня все соседи толпой сходятся на фортепианную музыку из кукольного спектакля Сони и Альфонсо на Центральной Площади. Некоторые из нас забрались на деревья, другие притаились за скамейками и телеграфными столбами.

Когда Петя, глухой мальчик в переднем ряду, чихает, кукла-сержант визжит и валится. Она встает, фыркает, трясет кулачком в сторону смеющейся публики.

Армейский джип сворачивает на площадь и из него извергается его собственный Сержант.

Немедленно разойтись!

Немедленно разойтись! передразнивает своим деревянным фальцетом кукла.

Все замирают, кроме Пети, продолжающего хихикать. Кто-то резко закрывает себе рот ладонью. Сержант поворачи-

чивается к мальчику, показывает пальцем.

Ты!

Ты! показывает пальцем кукла.

Соня смотрит на свою куклу, кукла смотрит на Сержанта, Сержант смотрит на Соню и Альфонсо, но остальные из нас смотрят на то как Петя, отклонившись назад и собрав всю слюну, что была во рту, запускает ее в Сержанта.

Звук, которого мы не слышим, срывает чаек с поверхности воды.

Когда рядом проходит строй солдат, альфонсо закрывает лицо мальчика газетой

Четырнадцать человек, в основном не знакомых,
смотрят как Соня склонилась над Петей,

застреленным посреди улицы.

Она берет его очки, блестящие как две монеты, вешает
ему на нос.

Наблюдай этот миг
– конвульсию его –

Идет снег и, словно врачи, собаки выбегают на улицы.

Мы, четырнадцать, смотрим:
Соня целует его в лоб. Ее крик – дыра

в разодранном небе, струящемся на скамейки в парке, на
огоньки у крылец.

В открытом рту Сони мы видим

наготу

целой нации.

Соня лежит, распластавшись,
возле снеговичка, вздремнувшего посреди улицы.

Страна бежит, как будто схватившись за живот.

Альфонсо, весь в снегу

Ты жив, шепчу я себе, следовательно, что-то в тебе – слушает.

Что-то бежит по улице, падает, не может встать.

Я бегу итд с ногами с руками своими за

беременной женой итд по улице Васенка я бегу всего пару минут итд нужно чтобы сделаться человеку.

Глухота, то есть мятеж, начинается

На следующее утро наша страна проснулась и отказалась слышать солдат.

Мы отказываемся во имя Пети.

В шесть утра, когда солдаты в переулке любезничают с девушками, те проскальзывают мимо, указывая на свои уши. В восемь дверь пекарни захлопывают прямо перед Ивановым, хоть он и лучший их покупатель. В десять Мама Галья пишет мелом на воротах казармы НИКТО ВАС НЕ СЛЫШЕТ.

К одиннадцати начинаются аресты.

Наш слух не ослаб, но безмолвное в нас окрепло.

После комендантского часа семьи арестованных вешают на окнах самодельные марионетки. На улицах никого, только скрип веревочек и *топ-топ* деревянных ножек и кулачков по стенам.

В уши города падает снег.

Альфонсо будет отвечать

Мой народ, в утро первых арестов
ты был охрененно хорош.

Наши люди, некогда пугливые, привыкшие к своим теплым кроватям, теперь
высытятся мачтами —
глухота проходит через нас как полицейский свисток.

Ныне я
свидетель:

каждый из нас
приходит домой, орет на стены, плиту, холодильник, себя.

Прости, я

не был честен с тобой,
жизнь —

перед тобой я буду отвечать.

Я бегу итд с ногами с руками своими по улице Васенка
итд...

Тому, кто слушает:

спасибо за перо на моем языке,

спасибо за наш спор, который кончается, спасибо, Боже,
за глухоту – какое же пламя

от спички, которую ты не зажигал.

Атлас костей и открытых клапанов

Я видел, как целится Сержант, как глухой мальчик с огнем
и железом
во рту –
лицом в асфальт,
атласом костей и открытых клапанов.
Воздух. Это в воздухе что-то требует нас.
Земля застыла.
Часовые едят бутерброды с огурцами.
В этот первый день
солдаты осматривают уши барменов, бухгалтеров, солдат
–
тишина творит злые шутки с солдатами.
Они вырывают жену Горы из постели словно дверь авто-
буса.
Наблюдай этот миг
– конвульсию его –
Тело мальчика лежит на асфальте как скрепка.
Тело мальчика лежит на асфальте
как тело мальчика.
Я прикасаюсь к стенам, чувствую пульс дома, и
таращусь вверх, бессловесный, и не знаю, зачем я живой.
Мы крадемся по городу,
Соня и я,

между театров, садов и кованых ворот.

Будьте бесстрашными, говорим мы, но никто не бесстрашен в миг, когда звук, которого мы не слышим, срывает чаек с поверхности воды.

Горожане оцепляют тело мальчика

Тело мальчика все еще лежит на площади.

Соня, прижавшись к нему, лежит на бетоне. Ее ребенок спит внутри нее.

Мама Галя приносит Соне подушку. Человек в инвалидной коляске приносит литров пять молока.

Альфонсо лежит рядом с ними на снегу. Одна рука обвивает ее живот. Он кладет другую на землю. Слышит как тормозят машины, хлопают двери, лают собаки. Когда поднимает руку с земли, ничего не слышит.

Позади него на бетоне лежит марионетка, ее рот забивается снегом.

Через сорок минут наступает утро. Солдаты возвращаются на площадь.

Горожане сцепляют руки, становясь в кольцо и в другое кольцо за тем кольцом и еще в одно кольцо, чтобы не допустить солдат к телу мальчика.

Мы смотрим как Соня поднимается (внутри нее ребенок распрямляет ножку). Кто-то дал ей плакат, который она держит высоко над головой: **ЛЮДИ ГЛУХИ.**

О довоенных свадьбах

Да, я купил тебе такое свадебное платье, что в него мы помещались оба,
а в такси, по дороге домой,
мы, целуясь, изо рта в рот передавали монету.

Хозяйка квартиры, может, заметила
морось пятнышек на простынях.
Ангелы были бы аккуратней,

но они не занимаются этим.
Я до сих пор могу влезь в твоё
бельё, *жюпа у меня*
меньше, чем у тебя!

Ты сияешь, гладишь меня
по щеке –
чтоб ты выиграл в лотерею и потратил все на врачей!

Ты на два пальца красивей любой женщины на свете...
Я не поэт, Соня,
я хочу жить в твоих волосах.

Ты схватила меня сзади, я

бежал в душ, и, конечно,
поскользнулся на мокром полу –

Я смотрел как в душе ты светишься,
держа в руке
свои груди –

два маленьких взрыва.

Мы все еще молодожены

Ты выходишь из душа и целый народ замолкает –

капля шампуня с яйцом и лимоном,

ты пахнешь пчелами,

краткий поцелуй,

Я ничего о тебе не знаю (кроме веснушек, разбрызганных
на твоих плечах!),

отчего я взволнован так, будто

одинок.

Я стою на Земле в своей пижаме,

а член торчит –

уже который год

в твоём направлении.

Солдаты целятся в нас

Они открывают огонь
как только женская толпа вбегает под ноздри прожекторов

– да будет у Бога фотография эта –

они тащат тело Пети на прозрачный воздух площади, его
голова бьется об ступени. Я

через рубашку жены чувствую форму
нашего дитя.

Солдаты тащат Петю по лестнице, а бездомные псы, то-
щие как философы,
понимают все и лают, и лают.

Я, уже на мосту, без слов как без камуфляжа, телом
обернув тело беременной жены –

Сегодня
мы не умираем и не умираем,

земля застыла,
вертолет присматривается к моей жене...

Человек

на земле не может показать небу палец,

так как любой человек и без этого –

показанный небу палец.

Пункты проверки

Солдаты поставили на улицах пункты проверки слуха, к столбам и дверям прибили:

ГЛУХОТА – ЭТО ЗАРАЗНАЯ БОЛЕЗНЬ. В ЦЕЛЯХ ВАШЕЙ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВСЕ ГРАЖДАНЕ В МЕСТАХ ЗАРАЖЕНИЯ ОБЯЗАНЫ В ТЕЧЕНИЕ 24 ЧАСОВ СДАТЬСЯ С ПОСЛЕДУЮЩИМ ПОМЕЩЕНИЕМ ПОД КАРАНТИН!

На Центральной Площади Соня и Альфонсо учат знакам. Когда проходит патруль, они садятся на свои руки. Мы видим как Сержант останавливают идущую на рынок женщину, но она его не слышит. Он сажает ее в грузовик. Он останавливает другую. Она не слышит. Он сажает ее в грузовик. Третья указывает на свои уши.

На этих дорогах у нас одна баррикада – глухота.

Перед войной мы сделали ребенка

Я поцеловал женщину,
чья веснушки
возбуждали соседей.

Родинку на своем плече
она выставляла напоказ
как медаль за отвагу.

Ее дрожащие губы
означали *идем в постель*.
Ее ручьящиеся волосы посреди

разговора означали
идем в постель.

Я вошел в свою парикмахерскую размышлений...

Да, я украл ее в постель на кресле
своих волосатых рук,
но раскрытые губы

означали *кусай мои раскрытые губы*.
Под прохладной простыней
лежим... Соня!

Что мы творили.

Пока солдаты забиваются в дом

Пока солдаты топают по ступенькам,
накрашенный ноготь
моей жены скребет

и соскребает
кожу с ее ноги, и под ней
я чувствую твердую кость.

Это вселяет веру.

Бомбардировка в 4 утра

Мое тело бежит по улице Арлемовск, моя одежда сложена в наволочку.

Ищу человека, который выглядит совсем как я, чтобы отдать ему свою Соню, свое имя, свою рубашку...

Началось: соседи залезают на троллейбусы у рыбного рынка, все свои мгновения деля пополам. Троллейбусы лопаются словно кишки на солнце...

Павел кричит: «Я так охрененно прекрасен, что не могу этого вынести!»

Два мальчика, не выпуская бутерброды из рук, подпрыгивают в свете фар троллейбуса, а солдаты целятся в их лица. В их уши.

Я не могу найти жену, где моя беременная жена?

Я, это тело, взрослый мужчина, жду когда взорвусь как граната.

Началось: вижу, грустная канарейка моей страны крошки клюет в глазах граждан, крошки клюет в волосах соседа, снег оставляет землю и падает вверх, как и должно быть...

Как важно иметь страну,
наткаться на стены, фонари, на своих любимых, как и
должно быть...

Грустная канарейка моей страны
натывается на стены, фонари, на своих любимых...

Грустная канарейка моей страны
Смотрит за их ногами, когда те бегут и падают.

Явление

Ты появляешься в полдень, дочка, весом всего 2,7 килограмма. Соня устраивает тебя на пианино и играет колыбельную, которую не слышит никто. Тишина в детской шипит как спичка, брошенная в воду.

Колыбельная

Доченька дочь
снег и дождь

ветки руки соседей
отмытые стены

все тебя берегут
Дитя апрельского цвета

маленькая планета
весом три килограмма

мой белый волос
освещает твой сон

Вопрос

Что есть дитя?

Тишина между двух бомбардировок.

Соня раздевается пока ребенок спит

Она так трет меня мочалкой,
что я брызгаюсь мыльной водой.
Свинья, смеется она.

Человек должен пахнуть лучше своей страны –
такова тишина
у той, чьи слова против тишины

и знающей: тишина побуждает к слову.
Она подбрасывает в воздух
мои ботинки и очки...

*Я из глухих людей,
и у меня*

нет страны, только ванна, младенец и супружеское ложе!

Мыть друг друга –
священно для нас.
Друг другу намыливать плечи.

Трахаться можно
с кем угодно, а с кем можно просто

лежать в воде?

Сигарета

Смотри –

жители Васенки не знают, что они – свидетельство счастья.

Во время войны

каждый из нас – вырванное из переплета доказательство смеха.

Смотри, Боже,

глухим есть что рассказать –
то, что даже они не слышат.

Взберись на крышу дома у Центральной Площади этого
разбомбленного города,

ты увидишь –

один сосед ворует сигарету,
другой наливает собаке
пол-литра солнечного пива.

Боже, ты увидишь, что я

как глупого голубя клюв,
я клюю,

потрясенный, куда попало.

Собака обнюхивает

Утро.

На разбомбленной улице ветер шевелит губами политика на плакате. В комнате Соня кормит грудью свою дочь по имени Анушка. Альфонсо не спит, трогает сосок своей жены, тянет к губам жемчужины молока.

Вечер.

Альфонсо выходит на улицу Тедна, пытаясь найти хлеба, ветер выхолаживает его до костей. Четыре джипа тащатся по тротуару: Соню похитили в джипе, плачет оставшаяся одна Анушка, конвой угоняет прочь. Выглядывают из-за занавесок соседи. Тишина, как собака, обнюхивает стекла в окнах, разделяющих нас.

То, что мы не слышим

Они толкают Соню в армейский джип
в то утро, в то утро, в то утро, в тот май, в монеткой сиявшее утро –

они толкают ее,
и она отлетает зигзагом, поворачивается и спотыкается в тишине,

той, которая – крик души.

Это Соня, однажды сказавшая, *В день своего ареста я буду играть на пианино.*

Мы смотрим как четверо
толкают ее –

и мы, кажется, видим как сотни старых пианино выстраиваются мостом

от улицы Тедна до Арлемовск, и она

ждет за каждым из них –
и от нее остается

марионетка,

говорящая пальцами,

а от марионетки остается эта женщина, от нее
остается (они забрали тебя, Соня) – голос, который мы не
слышим, самый чистый голос.

Центральная площадь

Арестованных заставили ходить с поднятыми вверх руками. Они будто собрались оторваться от земли, и так проверяют силу ветра.

Под плакатом **ВОЙСКА СРАЖАЮТСЯ ЗА ВАШУ СВОБОДУ** солдаты выставляют Соню, голую, неприкрытую от посторонних взглядов. В ее ноздрях кружатся снежинки. Солдаты рисуют красным карандашом круги вокруг ее глаз. Молодой солдат целится в красный круг. Плюет. Целится другой солдат. Плюет. Город смотрит. На ее шее висит знак **Я СОПРОТИВЛЯЛАСЬ АРЕСТУ**.

Соня смотрит вперед, туда, где выстроились солдаты. Из тишины неожиданно появляется ее голос, *Готовьсь!* По ее команде солдаты поднимают винтовки.

Вдовец

Альфонсо Барабински стоит на Центральной Площади,
на нем нет рубашки,

он загребает снег и бросает его
в марширующие войска.

Его рот
загоняет в стену первые буквы имени его жены...

Он идет пешком – добрых три километра дороги и ветра –
на пляж, по улицам с брусчаткой, останавливает каждую
прохожую...

Альфонсо Барабински, с фляжкой водки в кармане, откусывает от яблока

и наливает водку в эту рану –

и пьет *за наше здоровье* –

тост за жену, застреленную в центре города, где ее тело

и лежит.

Альфонсо Барабински, с ребенком в руке, пишет краской
на пирсе

ЗДЕСЬ ЖИВУТ ЛЮДИ –

как неграмотный,
подписывающий документ,

который он не понимает.

Своей жене

Я твой мальчик, который
тонет в этой стране, где

нет слова *тонуть*,
и кричит:

«*Я ныряю в последний раз!*»

Я, это тело

Я, это тело, куда погружается Божья рука,
пустогрудый, стою.

На похоронах
Мама Галя и ее марионетки взмывают и жмут мне руку.

Я заворачиваю наше дитя в зеленый платок –
мимолетный подарок.

Ты ушла, моя хлопающая дверями жена. А я,
дурак, живу.

Но голос, что я не слышу, когда говорю сам с собой, это
самый чистый голос:

когда жена мыла мне голову, когда я целовал

пальцы ее ног...

на пустых улицах нашего округа клочок ветра

воззвал к жизни.

Жену забрали, ребенок –

и трех дней нет как вышел из утробы – на моих руках,

наша квартира
пуста, на полу

грязный снег с ее сапог.

Ее платья

Ее броские платья
с хрупкими молниями.

Ее выглаженные
носки.

Я стою
у зеркала.

Примеряю красные носки своей жены.

Элегия

*Шесть слов,
Господь:*

прошу, избавь
от песни

МОЙ ЯЗЫК.

Глухота над синими жестяными крышами

Наши мальчики хотят убийства при народе, на залитой солнцем площади.

Они тащат пьяного солдата, на его шее плакат:
Я АРЕСТОВЫВАЛ ЖЕНЩИН ИЗ ВАСЕНКИ.

Мальчики понятия не имеют как убить человека.

Альфонсо, жестами: *Я убью его за ящик апельсинов.*

Мальчики платят ящиком апельсинов.

Он разбивает сырое яйцо в кружку,
чувствует запах апельсиновой струйки на снегу
и опрокидывает яйцо в глотку как стопку водки.

Он моет руки, он надевает красные
носки, он трогает языком там, где раньше был зуб.

Девчонки плюют солдату в рот.

Голубь устраивается на знак «стоп», и тот шатается.

Какой-то идиот

шепчет, *Да Здравствует Глухота!* и плюет в солдата.

Посреди площади

солдат умоляет горожан на коленях, но те качают голова-
ми и показывают на уши.

Глухота подвешена над синими жестяными крышами
и медными парапетами, глухота
поедает березы, столбы, крыши больниц, колокола,

глухота покоится у наших людей на груди.

Наши девчонки показывают, *Начинай*.

Наши мальчики крестятся, несуразные и рябые.

Завтра нас найдут, мы на виду как ребра у собаки,
но сейчас

настолько плевать, что даже не будем врать:

Альфонсо прыгает на солдата и схватив его, протыкает его
грудь до самых легких.

Солдат отлетает к тротуару.

Город видит сквозь лица кости ревущих зверей
и вдыхает запах земли.

Это девчонки украли те апельсины
и прятали их под рубашками.

Город как гильотина, дрожит, приближаясь к шее

Альфонсо спотыкается о труп солдата. Горожане веселятся, ликуют, хлопают его по спине. Те, кто забрался на деревья, чтобы наблюдать, аплодируют оттуда. Мама Галя громко кричит что-то про свиней, таких свиней, которые чистые как люди.

На суде у Бога мы спросим: «Зачем все это позволил?»
И ответом будет эхо: «Зачем все это позволил?»

В небе за пазухой

Это ты, душа-малышка?

Иногда ночью,

чтобы не видеть,

я зажигаю свет.

Я крадусь,

в моих ладонях

полудремлет

Анушка.

На моей лысеющей голове ее чепчик.

Жить

Жить значит любить, как приказывает великая книга.

Но любви недостаточно –

сердцу нужно немного глупости!

Нашему ребенку я сделал шляпу из газеты

и притворялся перед Соней, что я величайший поэт,
и она притворялась живой –

моя Соня, ее сюжеты и красноречивые ноги,
ее ноги и сюжеты, открывающие другие сюжеты.

(Хватит говорить, когда мы целуемся!)

Я вижу себя: желтый дождевик,

бутерброд, кусок помидора застрял в зубах,
и я поднимаю нашего младенца к небу

(Старый дурак, улыбнулась бы моя жена) –
он пишет мне на лоб и плечи,

а я пою!

Горожане смотрят как забирают альфонсо

Каждый из нас теперь
это свидетель у трибуны.

Васенка смотрит на нас, тех кто смотрит как четверо сол-
дат бросают

Альфонсо Барабински на тротуар.

Мы дали им его забрать, все мы трусы.

То, что мы не говорим,

мы носим в чемоданах, карманах пальто, в наших
ноздрях.

Через дорогу от нас его поливают из пожарных шлангов.

Сначала он кричит,
потом перестает.

Какой солнцепек –

с бечевки падает футболка, подходит старик, прижимает
ее к лицу.

Соседи пихаются, чтобы лучше разглядеть как его броси-
ли на тротуар,

будто это водевиль: *Та-да!*

На таком солнцепеке –

каждый из нас –

это свидетель у трибуны.

Они забирают Альфонсо,

и никто не поднимается за трибуну. Тишина поднимается
вместо нас.

Прочь

Солдаты маршируют прочь от нас, унося с собой сироту Сони и Альфонсо. На Центральной Площади Альфонсо висит на веревке. Его брюки темнеют от мочи.

Марионетка его руки танцует.

Панегирик

Ты должен говорить не только о разрухе –

мы это слышали не от философа,
а от Альфонсо, нашего соседа –

закрыв глаза, он влезал на чужие крылечки и наизусть
цитировал своему ребенку наш гимн:

Ты должен говорить не только о разрухе –
когда дочь плакала, он

из газеты ей сделал шляпу, а тишину свою сжимал
как складки аккордеона:

Нам должно говорить не только о разрухе –
и он, фальшивя, играл на аккордеоне в той стране,

где инструмент всего один, и это – дверь.

Вопрос

Что есть мужчина?

Пауза между двумя бомбардировками.

Такова история, созданная из упрямства и свежего воздуха

Такова история, созданная из упрямства и свежего воздуха —

история, жестами показанная теми, кто, бессловесный, танцевал перед богом.

Кто кружился и подпрыгивал. Кто выражал тех согласных, что восстают,

не защищенные ничем, кроме своих и чужих ушей.

Господь, в этой тишине мы лежим на своих животах.

Дай нам омыть лица ветром и забыть строгие очертания чувства.

Дай беременной в руку что-нибудь из глины.

Она верит в бога, да, но верит и в матерей своей страны, которые снимают туфли и идут. Их следы стирают наш синтаксис.

Дай ее мужу на крыше, согнувшись, прочистить горло (ибо секрет терпеливости в терпеливости его жены).

Он любит крыши, и ночью займется любовью с женой с тем, чтобы она все

забыла, ночью дай им одолжить света у слепых.

Свидетельства будут, свидетельства будут.

Они раскроют то, что раскроют, в то время как улицы

бомбят вертолеты.

Что такое тишина? Это что-то от неба в нас.

Акт 2

Горожане рассказывают историю Мамы Гали

Горожане говорят о Гале на зеленом велосипеде

Мама Галя Армолинская, 53 года, а секса у нее больше,
чем у любого из нас.

Когда она ходит по балкону,

встает солдатское *ого*,

встает еще одно,

затем весь батальон.

Мы стараемся не смотреть на ее груди –

они повсюду,

а соски как пули.

Желая арестовать ее,

солдаты

приходят в ее театр... и каждую ночь туда возвращаются.

Днем Галя выцеливает бутылки из-под молока на пропускных пунктах:

на зеленом велосипеде
она летит по стране как
запоздалый молочник.

На ее бутылочных пробках – ледяной ободок.

Галя Армолинская, счастливейшая из женщин нашего народа!

Твой велосипед с гимном
светлому виски прорывается
сквозь шеренги и чины

на свет. Ты в одних шортах, босоногая
крутишь педали.

И пусть закон присвистнет вслед.

Когда Мама Галя протестовала в первый раз

Она затягивается окурком, потом кричит
солдату,

*Домой иди! Ты не целовал жену с тех пор как Ной
был моряком!*

Мадам Мама Галя Армолинская, мы бы все отдали за то,
чтобы ехать прочь от

похорон
рядом с тобой в желтом такси,
с открытыми окнами,
бросать буханки хлеба

в почтовые ящики
арестованных.

Мама Галя Армолинская

кричит у промокших стен,
Глухота не болезнь! Это сексуальная позиция!

Молодой солдат, патрулирующий в комендантский час,
шепчет,

*Галя Армолинская, да, Галя Армолинская
отхлестала Лейтенанта поводком его собственной слу-*

жебной собаки,

а тридцать два человека на это смотрели

(так как булочник

настоял на том,

что приведет своих сыновей).

В такие ночи Бог за ней присматривает,

но и она не воробушек.

В военное время

она учит нас как открыть дверь

и пройти

в нее,

а это и есть подлинный учебный план всех школ.

Узелок белья

На Центральной Площади стоит КПП. Над КПП все еще висит тело Альфонсо –

на веревке, словно марионетка самого ветра. В одном из дальних помещений КПП плачет новорожденная Анушка.

Перед КПП две марионетки Мама Гали забираются на скамейку и начинают целоваться, запустив руки друг другу в волосы. Солдаты воспринимают их на ура и начинают делать ставки, сколько они продержатся. Девушки улыбаются.
Хватит говорить, когда мы целуемся!

Мама Галя незамеченной выходит из КПП с узелком белья, украденным с растянутой сержантом бечевки, спрятав Анушку в льняных простынях. Снег сыпется прямо с солнца.

Что такое дни

Майские дни,
как средних лет мужчины,
шагают в тюрьмы.
Они шагают в тюрьмы как юноши,
пальто
надев поверх пижам.

Галя шепчет, когда Анужка тычется носом

Предвыборные плакаты на наших проспектах показывают, какие у знаменитого диктатора прически,
а я, в 53 года

оставив даже мысль иметь своих детей, я... (кричу, обращаясь к своим соседям,

Сюда! Сюда!

Расчудесные болваны!

Она только что накакала на скамейку в парке, болваны расчудесные!

Материнство и отцовство

стоят нам чуточку собственного достоинства)

...благодарю Бога.

На рынке ветер сметает хлеб с лотков, лавочники сыплют проклятиями,

а у ветра уже велосипед между ног...

Но когда с белья корзиной я по улице иду,

ветер беспомощен

В своем желании коснуться крохотных чепчиков и носочков.

Марионетки Гали

Марионетка за занавесом в театре скользит губами по пенису солдата Иваноффа. Он берет ее за волосы и тянет к себе. Не переставая целовать его, она убирает его руку. Когда его рука снова оказывается в ее волосах, она останавливается, поднимает на него взгляд и показывает жестом, *Будь ласков*. Он снова прикладывается к бутылке водки. Она берет его в свой рот и закрывает глаза. И скользит, быстрее и быстрее.

Прекрасны женщины Васенки, прекрасны. Когда она лижет его ладонь, он смеется. Когда он наконец вырубается, она своей нитью марионетки душит его. Солдаты, выстроившиеся в очередь на первом этаже, поднимают тост за Маму Галию и не видят как марионетки утаскивают труп.

Прекрасны женщины Васенки, прекрасны.

Здравствуй, милый. Открывается дверь, и она показывает зайти еще одному солдату.

Галя во время бомбардировки

В двадцать седьмой день воздушной бомбардировки, у меня

уже ничего нет, кроме моего тела, а в этой пустой квартире стены колы-колышутся как легкие.

Как мне сказать, что я только каплю хочу тишины? Я, глухая, каплю хочу тишины, я каплю хочу тишины... Я посреди детской,

где земля требует от меня, требует от меня
слишком много, я

(до того как махну рукой на икающее сердце и засну) наши
считаю

силы: женщина и ребенок.

Тело, из которого я свидетельствую, – это бинокль, в который ты смотришь, Боже: ребенок вцепился в стульчик,

в то время как солдаты (их лица сформованы изнутри словами) арестовывают мой народ, я бегу, а флаг – это полотенце, которым вытирает руки ветер.

Когда они вырывают двери в мою пустую

квартиру – я в другой квартире улыбаюсь, ребенок вцепился в стульчик

и качается

в сторону меня и тебя, Боже.

Я хлопаю и подбадриваю
ее первые шаги

ее первые шаги, беззащитные как и все мы.

Маленькие пучки

Пока июньские дни как средних лет мужчины
шагают в тюрьмы,
я подстригаю Анушке волосы:
на ее плече
на ее плече
собираются маленькие пучки.

.

Я смертная –
и я кемарю.

.

Анушка, твоя пижама –
последний в моей жизни смысл.

Надеть на тебя пижаму,
Анушка!

Как же много причин жить.

.

Анушка, в кроватку!

Я не глухая,
я просто сказала миру

вырубить его безумную музыку на минутку.

Тост Гали

За твой голос, загадочная сила,
за двадцать шесть костей одной стопы, четыре измерения
дыхания,

за секвойю, папоротник, сосну, перечную мяту,
за гиацинт и колокольчик,

за ослика на привязи у того, кто проводник в поезде,
за аромат лимона и мальчика, блистательно писающего на
деревья.

Благословим все на земле пока не станет дурно,
пока каждое непокорное сердце ни признает: *Я запутал-*
ся,

но все же я любил, и что любил,
то я забыл, а что забыл, прославило мои странствия,

к тебе я приблизился настолько, Боже, насколько по-
смел.

Ночи в Театре

Женщина на сцене Галиного театра наклоняется, чтобы прикрыть застенчивые коленки, при этом демонстрируя полному залу солдат бурлеск своей ложбинки.

Сцена вокруг нее погружается в темноту. Марионетки тащат еще одного задушенного солдата в закоулок.

В центре сцены Мама Галя чиркает спичкой.

И в то время как марионеток арестовывают

тишина?

это палка, которой я тебя бью, я тебя бью палкой, голос,
тебя бью

пока ты не заговоришь, пока
не заговоришь правильно.

Солдаты не любят выглядеть глупо

Утро. Кто-то неразборчиво пишет имена арестованных и вешает их список на стену. Некоторые имена едва различимы, сплошные завитки, вроде усов.

Мы видим как дрожит палец Гали над этим списком.

После задержания всех женщин на улице Тедна *за то, что Галины девочки сделали с солдатом Иваноффым*, армия начинает каждое утро бомбить по новому магазину *за то, что Галины девочки сделали с солдатом Петровичем*, *за то, что Галины девочки сделали с солдатом Дебенко*.

Улицы пустеют.

Овощной ларек взрывается, помидор летит в нашу сторону и разваливается на ветру.

Поисковые патрули

Я закрываю глаза Гене (семь лет) и Яше (девять),
когда их отец снимает брюки во время обыска, и его плоть
трясется,

и вокруг него –
отвратные рубцы на брюхе тишины. Толпа – смотрит.

Дети смотрят за тем, как смотрим мы,
что солдаты тащат голого по лестнице. Я учу руки детей
создавать из страдания

язык –
видишь, как пригвоздила нас к нашим телам глухота.
Анушка

говорит с дворовыми собаками как с людьми,
говорит с людьми

как будто они люди,
а не просто души на костяных опорах.

Горожане
смотрят на детей, но чувствуют под босыми ступнями сво-

их мыслей

холодный камень города.

Колыбельная

Я смотрю на тебя, Анушка,
и говорю

покойным
кровопийцам

доброеутро, депутаты!
Это битва,

достойная
наших оружий!

Расстрельная команда

Солнце на балконах. Солнце на тополях, на наших губах.

Сегодня никто не стреляет.

Девушка подстригает себя выдуманными ножницами:
солнце на ножницах, солнце на ее волосах.

Другая девушка лямзит сапоги у спящего солдата, солнцем пронзенного.

Когда солдаты просыпаются и глазеют на то, как мы глазеем на них,

что они видят?

Ночью на улице Лерна они застрелили пятьдесят женщин.

Я сажусь писать и рассказать тебе то что знаю:

девочка, изучая мир, тянет его в рот,

девушка становится женщиной, женщина – землей.

Тебя, тело, винят во всем и ищут

в теле то, что в теле не живет.

Вопрос

Что есть женщина?

Пауза между двумя бомбардировками

Я все же есть

Я все же есть. Я существует. Я
имеет тело.

Когда Анушка

берет мой палец
в рот, она его
кусает.

Как же мы на земле живем, дитя?

Если б я могла тебя
слышать, что бы ты сказала?

Ты отвечай!

На земле мы можем делать –
ведь можем?

То, что хотим.

Суд

Галя украдкой пробирается через Центральную Площадь, прижимая к себе ребенка словно сломанную руку. На улице Тедна от разбомбленных зданий остались только дверные проемы. Только двери и марионетки, висящие на своих держалках, по одной марионетке на каждого гражданина.

С пешеходных дорожек соседи смотрят на то, как навстречу Гале выходят две женщины. *Из-за твоей революции сестру мою арестовали*, первая плюет ей в лицо. Другая берет ее за волосы, *Я тебе мозги вскрою и сделаю из них омлет!* Они хватают Анушку, потом тащат Галю за пекарню.

Лавочники, зевая и распаковывая товары, заполняют рынок. Торговки выметают мусор. Вывалившись из переулка, Галя вцепляется сначала в одного соседа, затем в другого. Она бежит за женщиной, которая держит Анушку. Они отталкивают ее метлами.

Она кричит.

Они указывают на уши.

Наши народ благопристойно закрывает окна.

Преследуемая людьми из Васенки

Мы видим как она мечется по улице зигзагом между нами

—
лицо ее порезано как

застрявшая в ее пальто молния —

Мои дорогие соседи! кричит она

Мои дорогие соседи! Расчудесные болваны!

Так она кричит на нас.

Выройте хорошую яму!

Положите меня вверх ноздрями

и лопатой бросьте мне в рот доброй черной земли.

АНОНИМ

Что до гроба Мамы Гали, то он застрял
на лестнице, и нам пришлось нести его перевернув.

Тел было слишком много,

а людей недостаточно:

слишком много ушей и никого из тех, кто к ним прилагается.

В такое время

каждый человек что-то делает для нашей страны.

Одни умирают.

Другие произносят речи.

Людей слишком много, а рук недостаточно,

чтобы помыть тело Мамы Гали и подстричь ей ногти –

последняя любезность,

оказываемая на нашей земле.

Сегодня

я должен привинтить человеческое выражение лица,

хотя я не более чем животное,

и это животное идет по спирали от похорон до собствен-

ной кухни, кричит: *Я пришел, Господи, я прибежал к тебе...*

На заснеженных улицах я стою как флагшток,

но без флага.

И все же, иногда по ночам

Наша страна капитулировала.

Пройдут годы, и начнут поговаривать, что ничего этого не было, что магазины не закрывались, мы были счастливы и ходили в парк смотреть кукольные спектакли.

И все же, иногда по ночам горожане приглушают свет и начинают учить своих детей жестовому языку. Наша страна – это сцена: когда патрули строем проходят мимо, мы сидим на своих руках. *Не бойся*, жестом показывает ребенок на дерево, на дверь.

Когда патрули проходят строем, проспекты пустеют. Пустеет и воздух, за исключением скрипа нитей и *тон-тон* деревянных кулачков по стенам.

Мы сидим среди зрителей – до сих пор. Тишина вокруг вращается словно пуля, попавшая мимо нас...

В мирное время

Я, живущий на Земле сорок с чем-то лет,
вдруг оказался в мирной стране. Я видел как соседи

разблокируют телефоны, чтобы посмотреть, как
у мужчины требует права коп. Когда тот тянется за бумаж-
ником,
коп стреляет. В окно машины. Стреляет.

Это – мирная страна.

Мы убираем телефоны и уходим:
к дантисту,
забрать детей из школы,
купить шампунь
и базилик.

Страна, в которой мальчик, застреленный полицией, ле-
жит на тротуаре
часами – наша страна.

В его открытом рту мы видим
наготу
целой нации.

Мы смотрим. Смотрим
как смотрят другие.

На дороге тело мальчика лежит в точности как тело маль-
чика...

Это – мирная страна.

И это тела наших граждан нарезают на кадры
с той же легкостью, с какой жена Президента подстригает
ногти на ногах.

Всем нам
еще нужно выполнять непростую работу: ходить к данти-
сту,
запоминать как делать
летний салат: базилик, помидоры, это – радость, помидо-
ры и немного посолить.

Это – мирное время.

Я не слышу выстрелов,
но вижу, что птицы брызгами разлетаются над задворками
города. Какое светлое небо над проспектом, вращающемся
вокруг своей оси.
Какое светлое небо (простите меня), какое светлое.

Примечания

О ЗНАКАХ: Горожане Васенки изобрели свой язык жестов. Некоторые жесты произошли из различных культур (русский, украинский, белорусский, американский язык жестов и т.д.). Другие жесты могли быть придуманы гражданами, так как они пытались изобрести язык, неизвестный властям.

О ТИШИНЕ: Глухие не верят в тишину. Тишина – изобретение слышащих.

Благодарность

«Мы Жили Счастливо во время Войны» посвящается Элеоноре Вильнер.

«Выстрел» посвящается Джерико Брауну.

«Глухота, то есть Мятеж, Начинается» посвящается Борису и Людмиле Херсонским.

«Атлас Костей и Открытых Клапанов» посвящается Брайену Тернеру.

«Бомбардировка в 4 утра» посвящается Денису Джонсону

«Сигарета» посвящается Сергею Жадану

«Расстрельная команда» посвящается Гарту Гринвиллу

«В Мирное Время» посвящается Каролин Форше и Патрисии Смит

Все стихи о любви посвящаются Кейт Феррис

///

Я благодарен редакторам следующих журналов, где появились некоторые из данных стихотворений, зачастую в разных вариантах: *Alaska Quarterly Review*, *The American Poetry Review*, *The Café Review*, *Columbia: A Journal of Literature and Art*, *Cork Literary Review*, *Gulf Coast*, *Harvard Review*, *Image*, *The Kenyon Review*, *Lana Turner*, *The Massachusetts Review*,

McSweeney's, *The New Yorker*, *A Public Space*, *Ploughshares*, *Poetry*, *Poetry Review* (Великобритания), *Poetry Wales*, *Runes*, *Seneca Review*, *The Shop* (Ирландия), *Spillway*, *Wolf* и *World Literature Today*.

Я также благодарен редакторам антологий, где появлялись некоторые из данных стихотворений: *The Best American Poetry* (издательство Scribner, 2018), *American Journal: Fifty Poems for Our Time* (Graywolf, 2018), *Resistance, Rebellion, Life: 50 Poems Now* (Knopf, 2017), *Poems for Political Disaster* (Boston Review, 2017), *The Mighty Stream: Poems in Celebration for Martin Luther King* (Bloodaxe Books, 2017), *Liberation: New Works on Freedom from Internationally Renowned Poets* (Beacon Press, 2015), *The Wolf Anthology* (Wolf, 2012), *Sunken Garden Poetry 1992-2011* (Wesleyan University Press, 2012), *Pushcart Prize Anthology* (Pushcart Press, 2012), *I Go to the Ruined Place: Contemporary Poems in Defence of Global Human Rights* (Lost Horse Press, 2010), *New Poets of the American West* (Many Voices Press, 2010), *Between Water and Song: New Poets for the Twenty-first Century* (White Pine Press, 2010), *13 Younger Contemporary American Poets* (Proem Press, 2009), *From the Fishhouse: An Anthology of Poems that Sing, Rhyme, Resound, Syncopate, Alliterate and Just Plain Sound Great* (Persea Books, 2009), и серию публикаций Poem-a-Day Series Академии Американских Поэтов (Academy of American Poets).

Я благодарен следующим людям за то что они помогли мне стать лучше как писатель и как человек: Каве Ак-

бар, Сандра Алкоссер, Хари Аллури, Кэтрин Барнетт, Полина Барскова, Кельвин Бедиент, Шервин Бицуи, Малаки Блэк, Джерико Браун, Джеймс Берн, Али Кальдерон, Виктория Чен, Адам Девис, Квейми Доус, Чар ДеНиор, Минь Ди, Блас Фалконер, Каролин Форше, Кэти Форд, Джефф Фридман, Кэрол Фрост, Рейчел Галвин, Форест Гандер, Давид Гевантер, Гарт Гринвилл, Эдвард Хирш, Джейн Хиршфилд, Мэтью Холлис, Дж. Хоуп Стейн, Лиз Уэрта, Ишион Хатчинсон, Сьюзан Келли ДеВитт, Дэвид Кеплингер, Кери Кис, Судзи Квок Ким, Стив Ковитт, Ли-Юн Ли, Дана Левин, Джеффри Левин, Джеймс Лонгенбах, Томас Лакс, Рут Мадиевски, Никола Мадзиров, Дора Малех, Дэвид Томас Мартинес, Дэвид Матлин, Филип Метрес, Малена Морлинг, Вальжина Морт, Михаэла Москалиуц, Сендип Пармар, Чарльз Пратт, Мэри Раков, Томас Саламун, Джим Шлей, Дон Шэр, Чарльз Симик, Питер Стрекфус, Сэм Тейлор, Сьюзан Террис, Кэтрин Таулер, Брайен Тернер, Джин Валентайн, Алиса Вейлс, Адам Вейл, Дж. К. Уолдреп, Майкл Уотерс, Кери Вэйсон, Элеанор Вильнер, Кристиан Уиман, Адам Загаевски и Мэтью Запрудер.

Также благодарю Дженнифер Уиттен и Гейла Шнейдера за их талант в виде художественного оформления этой книги.

Благодарю следующие организации за их поддержку: Guggenheim Foundation, Lannan Foundation, Poetry Foundation, Whiting Foundation, MacDowell, Virginia Center

for Creative Arts, Vermont Studio Center, Faber and Faber и Tupelo Press.

///

Самая глубокая благодарность издательству Graywolf Press и в особенности Джефу Шотсу за его веру в эту книгу.

ILYA KAMINSKY родился в Советском Союзе, в настоящее время является гражданином Соединенных Штатов. Автор книги *Dancing in Odessa*, соредактор международной поэтической антологии *The Ecco Anthology of International Poetry*. Финалист международной литературной премии *Neustadt International Prize for Literature* 2014-го года. Стипендиат *Guggenheim Fellowship* и *Lannan Fellowship*, обладатель премии *Whiting Award* и других наград. Его произведения переведены на более чем двадцать языков.